

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА СЛАВЯНСКОГО МИРА В ЭПОХУ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА (ЛЕСОСТЕПНОЕ ПОДОНЬЕ В VIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XI вв.)

А. З. Винников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 мая 2012 г.

Аннотация: в статье освещается история освоения восточными славянами в последних веках I тыс. н.э. бассейна Верхнего и Среднего Дона, дается характеристика культуры славян данного региона и их взаимоотношений с населением Хазарского Каганата и Древнерусским государством.

Ключевые слова: восточные славяне, Верхний и Средний Дон, салтово-маяцкая культура, Древнерусское государство, погребальный обряд.

Abstract: this article is about the history of settlement of the East Slavs in basin of the Upper and Middle Don in the last century I millennium AD, describing the culture of the Slavs in this region and their relationship with the population of the Khazar Khaganate and Ancient Russian state.

Key words: East Slavs, Upper and Middle Don, Saltovo-Mayaki culture, Ancient Russian state, obsequies.

Лесостепное Подонье в последней четверти I – начале II тысячелетия н.э. представляло собой окраинные районы не только восточнославянского, но и в целом славянского мира. Поселения и могильники донских славян известны как памятники боршевской археологической культуры [1; 2].

Территория расселения донских славян с юга и юго-запада граничила с северными и северо-западными рубежами Хазарского Каганата – памятниками салтово-маяцкой культуры (Маяцкий археологический комплекс и другие памятники на р. Тихая Сосна, Осколе, Северском Донце и их притоках) [3; 4]. С северо-востока памятники донских славян граничили с поселениями и могильниками финноязычных народов (раннесредневековая мордва) [5]. С Запада на расстоянии около 150 – 200 км известны памятники волынцевской и роменской культур – летописных северян [6; 7]. Уже само географическое расположение памятников донских славян предполагает их определенную изоляцию, оторванность от других восточнославянских группировок, что не могло не отразиться на некоторых особенностях их культуры.

В Лесостепном Подонье, на территории расселения славян, можно выделить две группы памятников, прежде всего погребальных: Средний Дон (Боршевский могильник) и р. Воронеж (Кузнецовский, Лысогорский, три Белогорских и другие могильники).

На Боршевском могильнике исследовано 34 кургана (6 – А. А. Спицын, 4 – П. П. Ефименко, 23 – А. Н. Москаленко и А. Д. Пряхин, 1 – А. З. Винников) [8, с. 8–44]. Курганы сложены из чернозема с меловой

щебенкой, землю брали из околочурганых ровиков, опоясывающих курганы по всему периметру, но и с прилегающей территории. Как показали раскопки, ровики мало углублены в материк и представляли собой своеобразные культовые сооружения с несколькими ритуальными кострищами по периметру. Одной из принципиально важных особенностей этих курганов является наличие в них деревянных конструкций в виде погребальных камер, круговых оградок и в ряде случаев столбов, стоящих в центре или почти в центре кургана.

Камеры представляют собой деревянные ящики, размером 0,8–1,4×1,3–2,35 м, высотой 0,3–0,6 м, стоящие в северо-восточной части кургана, ориентированные длинной осью юго-запад – северо-восток, с некоторым отклонением в ряде случаев. Камеры имеют три стенки: та, которая обращена к полю кургана, как правило, отсутствует, и с этой стороны был вход в камеру, от конструкции которого во многих курганах прослежены два столбика или ямки от них. Крышка камер сооружалась из нескольких продольных плах, поверх которых выявлены площадки обожженной глины. Пол в камерах деревянный или из обожженной глины, а в некоторых камерах специально сделанный пол вообще отсутствует.

Одним из обязательных элементов в погребальных сооружениях Боршевского могильника являются круговые оградки, которые ставились или в кольцевые канавки, или в отдельные ямки, или были комбинированными: часть столбиков стояла в отдельных ямках, часть – в общей канавке. Диаметр оградок – 5,5–10,5 м. Сохранилась она на высоту 0,3–0,7 м. Во всех курганах оградка прерывалась в северо-восточном секторе – напротив входа в погребальную каме-

ру. Оградка имела двойную функцию: культовую и конструктивную.

В ряде курганов, как уже отмечалось, прослежены остатки столбов, стоящие в центре или почти в центре насыпи. Не исключено, что столбы были и в других курганах, но поставлены были в верхней части и не сохранились.

Ни в одном из курганов в насыпи не встречены кальцинированные кости – остатки кремации, совершенные за пределами могильника. Они помещались внутри камер или в глиняных сосудах, или на полу в виде небольших скоплений. Необходимо отметить полное отсутствие инвентаря, не считая сосудов, а те отдельные находки, которые встречены в ряде погребений среди кальцинированных костей, вряд ли являются результатом преднамеренного ритуала – класть вещи в погребения. Они попали вместе с кальцинированными костями с погребального костра.

В 34 курганах Боршевского могильника встречено 50 глиняных сосудов, но не все они содержали остатки кремации – кальцинированные кости. Некоторые из них, вероятно, были предназначены для каких-то ритуальных целей. Сосуды найдены как в целом виде, так и в обломках. Целые сосуды обнаружены только при погребениях. Встречены отдельные части от специально разбитых и разбросанных в насыпи сосудов.

Кроме лепной славянской (боршевской) керамики, которая составляет подавляющее большинство, в курганах Боршевского могильника обнаружены три гончарных кувшина, имеющих следы длительного использования. Эта посуда не местного производства и является предметом импорта [2, с. 91–92].

Таким образом, можно отметить, что для Боршевского могильника наиболее характерны следующие черты погребального обряда: 1) трупосожжение за пределами кургана (могильника); 2) деревянные погребальные конструкции в виде камер, кольцевых оградок и столбов в центре кургана; 3) размещение камер с остатками кремации в северо-восточном секторе; 4) кольцевые ровики с ритуальными кострищами; 5) абсолютное преобладание в погребениях (более 90 %) славянской лепной керамики; 6) отсутствие специально положенного инвентаря в погребениях, кроме керамических сосудов.

Славянских курганных могильников на р. Воронеж (Верхний Дон) известно семь, и все они связаны с конкретными поселениями (городищами): Шиловский, Кузнецовский, Лысогорский, три Белогорских, Животинный. Изучены раскопками они в разной степени.

Шиловский могильник раскопками не исследовался, и даже нет его плана. На Кузнецовском в различные годы раскопано 4 кургана: 2 – экспедицией ГАИМК в 1928 г. (рук. П. П. Ефименко) [9, с. 111–112];

1 – славянским отрядом ВГУ в 1982 г. (рук. А. З. Винников) [8, с. 71–72]; 1 – в 1995 г. отрядом ВГУ (рук. М. В. Цыбин) [10, с. 18].

Лысогорский могильник исследовался в начале XX в. воронежскими краеведами. В те годы было раскопано 11 курганов, но информация об этих работах очень краткая, противоречивая и не может быть включена в аналитический материал по данному могильнику [8, с. 46–48]. Аналогичные данные мы имеем и по трем курганам, раскопанным на этом могильнике Д. Д. Леоновым в 1924 г. [8, с. 48]. Один курган был раскопан экспедицией ГАИМК в 1928 г. и достаточно полно описан в публикации [9, с. 110–111]. В 60–80-х гг. XX в. экспедицией ВГУ (рук. А. Н. Москаленко, А. З. Винников) раскопано 29 курганов. В 1996 г. также экспедицией ВГУ исследован еще один курган. Описания этих курганов опубликованы в полном объеме [8, с. 46–71, 10, с. 22–23]. Таким образом, на Лысогорском могильнике к настоящему времени имеется 31 курган, материалы которых дают достаточно четкое представление о погребальном обряде славянского населения, оставившего этот памятник.

В 60–70-х гг. XX в. на I Белогорском могильнике отрядом ВГУ (рук. А. Н. Москаленко, А. З. Винников) раскопано 12 курганов. Материалы раскопок опубликованы [8; 11]. II Белогорский могильник – один из самых крупных славянских курганных могильников в Лесостепном Подонье и насчитывает около 560 насыпей [10, с. 31]. Вероятно, об этом могильнике содержится информация в докладе А. И. Мартиновича на XIV Археологическом съезде, в котором сообщается о раскопках 15 курганов на могильнике у с. Чертовицкое. Информация очень краткая, описания курганов не содержит, сказано лишь, что погребальный обряд тождествен выявленному на Лысогорском могильнике [12, с. 114]. II Белогорский могильник раскапывался славянским отрядом археологической экспедиции ВГУ в 1974, 1976, 1979 гг. (рук. А. З. Винников). За эти годы исследовано 60 курганов; материалы раскопок опубликованы [8, с. 76–126]. III Белогорский могильник раскопками не исследовался.

Таким образом, на р. Воронеж к настоящему времени раскопками изучено 103 кургана на трех могильниках, материалы которых дают возможность в достаточно полном объеме представить погребальный обряд обитавшего здесь населения в конце I – начале II тыс. н.э.

В отличие от Боршевского могильника, где выявлен достаточно стабильный погребальный обряд, на р. Воронеж могильники содержат разные типы погребений: 1) трупосожжение на стороне, за пределами кургана с помещением остатков кремации на погребенной почве в восточной половине; 2) трупосожжение на стороне, за пределами кургана с поме-

щением остатков кремации в деревянные камеры; 3) трупосожжение на стороне, за пределами кургана с вторичным обжигом на месте и с захоронением в восточной половине кургана на уровне погребальной почвы; 4) трупосожжение на месте в различных частях насыпи и с захоронением остатков кремации в восточной половине кургана; 5) трупосожжение на месте в деревянных конструкциях.

Все пять групп встречаются только на II Белогорском могильнике, на Лысогорском – первые четыре, а на I Белогорском – все погребения относятся к первой группе.

Первая группа погребений наиболее многочисленная: на Лысогорском могильнике эти погребения составляют около 50 % от всех раскопанных, на II Белогорском – более 53 %.

Погребения второй группы, в которых остатки кремации помещены в деревянные погребальные камеры, на Лысогорском могильнике составляют 23 %, на II Белогорском – 15 %, а на I Белогорском, как отмечалось, их нет. Камеры располагались в восточной половине кургана. Их размеры: 0,45–0,9 × 1–1,85 м, высота – 0,15–0,25 м. Сооружены, как правило, из одного венца бревен и довольно сильно обожжены. Со стороны полы кургана они открыты, лишь в одном случае это был ящик, закрытый со всех сторон. В камере находились остатки погребений – кальцинированные кости в глиняных сосудах или на полу. Вокруг курганов кольцевых ровиков нет, как нет их в погребениях других групп. Отсутствуют деревянные оградки, лишь в одном кургане II Белогорского могильника прослежены остатки нескольких столбиков. В целом можно отметить, что деревянные погребальные конструкции на могильниках на р. Воронеж более упрощенные, нежели на Боршевском могильнике.

К третьей группе погребений на Лысогорском могильнике относятся 4 %, а на II Белогорском – 25 % от всех изученных курганов; на I Белогорском могильнике курганов данной группы нет. Погребения выявлены или строго к востоку от центра, или в юго-восточной части на уровне погребенной почвы. Керамические сосуды, обнаруженные в погребениях этой группы, имеют следы прокаленности и закопченности. Во время вторичного обжига кальцинированных костей на месте захоронения они стояли на кострище.

Курганы четвертой группы, т.е. трупосожжения на месте, выявлены в основном на Лысогорском могильнике, где составляют 19 % от всех раскопанных курганов, два кургана (3,3 %) обнаружены на II Белогорском могильнике. На Лысогорском могильнике во всех курганах данной группы, независимо от места расположения погребального костра, остатки кремации захоронены в восточной части кургана. На II Белогорском могильнике, где трупосожжение со-

вершено в восточной половине, остатки кремации собраны на месте сожжения. Погребения с сожжением на месте в специальных деревянных сооружениях выявлены на II Белогорском могильнике – два кургана (3,3 %). Конструкцию сооружений восстановить не удалось. Весьма интересна керамика, обнаруженная в курганах на р. Воронеж. Коллекция насчитывает более 120 сосудов. Наиболее многочисленная, как и следовало ожидать, славянская лепная керамика, представленная горшками, мисками, кувшинами. Кроме славянской лепной посуды, встречено несколько сосудов, которые можно связать с финской (мордовской) керамикой. Курганные могильники на р. Воронеж содержат в большом количестве гончарную керамику салтово-маяцкой культуры: кувшины, горшки, кружки, светильники. Она составляет 23,3 % на Лысогорском могильнике, 60 % – на I Белогорском, 8 % – на II Белогорском от всего керамического комплекса, выявленного на этих памятниках. Кроме того, в воронежских курганах встречена волынцевская керамика – гончарные горшки с высоким прямым или слегка отклоненным венчиком и лощеными поверхностями. Есть ряд лепных сосудов, которые являются своеобразным подражанием волынцевским гончарным. В курганах на р. Воронеж встречено также значительное количество сосудов, отражающих своеобразный симбиоз славянского и салтовского керамического производства [8, с. 128–150]. Таким образом, необходимо подчеркнуть довольно разнообразный керамический материал, выявленных в курганах на р. Воронеж.

Подводя итоги рассмотрения погребального обряда донских славян, необходимо подчеркнуть, что различия между этими двумя микрорегионами в этой области культуры весьма существенны. Нам уже приходилось на этом останавливаться [2, с. 103–104]. Отметим главное: для Среднего Дона (Боршевский могильник) характерен стабильный погребальный обряд, характеризующийся наличием деревянных конструкций (камер, кольцевая оградка, в ряде случаев столбы в центре кургана); могильники на р. Воронеж дают разнообразные типы погребений, среди которых деревянные конструкции имеют относительно небольшой процент, да и сами сооружения существенно отличаются от среднедонских; весьма значительные отличия имеются и в керамике, содержащейся в этих двух группах памятников; в Боршевском могильнике мы имеем лишь несколько сосудов импортного происхождения, нет волынцевской керамики. Определенные различия этнографического характера этих двух микрорегионов можно проследить и в других сферах культуры, в частности в домостроительстве [2, с. 27; 13, с. 202], в керамическом производстве [2, с. 72–86].

Наличие двух микрорегионов в ареале расселения донских славян объясняется историей освоения вос-

точными славянами Донского бассейна и прежде всего теми отправными точками, откуда шел переселенческий поток на Средний и Верхний Дон.

Исследователями неоднократно подчеркивалось наличие довольно существенного сходства между деревянными погребальными конструкциями Боршевского могильника и ряда Верхнеокских, которые не без основания связываются с вятическим племенным объединением [14; 15; 16 и др.]. Причем те же авторы отмечали и определенные отличия Боршевских курганов от Верхнеокских: в степени обожженности камер, их расположении и др. Но внимательный и всесторонний анализ материалов раскопок верхнеокских курганов и Боршевского могильника позволил достаточно аргументированно показать, что близость деревянных погребальных камер из донских и верхнеокских курганов несомненна. Она наблюдается и в их конструкциях, расположении, ориентировке и других элементах [2, с. 113–114]. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что ни в одном районе восточнославянского мира не наблюдается такого стабильного сочетания деревянных погребальных камер и кольцевых оградок, которое мы наблюдаем на Боршевском могильнике и в некоторых могильниках на Верхней Оке.

Близость погребальных сооружений Боршевского и ряда Верхнеокских могильников конца I тыс. н.э. можно объяснить только этнической общностью населения, оставившего эти памятники. Вероятно, на Средний Дон с Верхнеокского бассейна переселилась какая-то группа славянского (вятического) населения, этнически сложившаяся со стабильным погребальным обрядом. Это произошло не ранее середины IX в., что не исключает наличия на Среднем Дону незначительных групп славянского населения – выходцев с Днепровского Правобережья, обитавшего здесь до его колонизации вятичами, которые полностью были поглощены и ассимилированы ими [2, с. 116].

Что касается р. Воронеж, необходимо отметить, что до интенсивной славянской колонизации данный регион также не оставался в стороне от проникновения сюда отдельных групп раннеславянского населения. Два ямных погребения и селище на месте Лысогорского курганного могильника [2, с. 108; 17, с. 300; 10, с. 24–25], поселение у с. Ярлуково на Матыре [18; 19, с. 54–56], поселение Чижовское 5 на южной окраине г. Воронежа и у ВОГРЭС и ряд других пунктов [2, с. 109] дают хоть и небольшие, но достаточно четкие, представления о раннем, во всяком случае, до начала IX в. появлении на р. Воронеж славянского населения. Истоки этой первой, наиболее ранней волны славянской миграции на р. Воронеж необходимо искать в материалах Днепровского Правобережья – поздних памятниках типа Корчак и наиболее ранних, культуры Лука-Райковецкая [8, с. 110]. Не

следует полностью исключать из этого процесса и памятники пеньковского круга, отголоски которых мы видим и в ряде сосудов, встреченных в могильниках на р. Воронеж, в частности II Белогорского, а также кологинские древности [20, с. 50–52].

Как уже отмечалось, подавляющее большинство курганов на всех воронежских могильниках содержит захоронения первой группы – трупосожжения на стороне с помещением остатков кремации в восточной половине кургана на уровне погребенной почвы. В ряде погребений кальцинированные кости помещены в небольшие ямки, а в некоторых случаях и сосуды с остатками кремации также стояли в неглубоких ямках. Курганные захоронения в основании насыпи на погребенной почве достаточно широко были распространены в восточнославянском мире в конце I тыс. н.э. [21; 22, с. 85, 127]. Но по многим принципиально важным деталям обряда курганы этой группы значительно ближе к курганам Днепровского Правобережья, чем курганам других регионов: расположение погребений на уровне древней дневной поверхности; небольшие ритуальные кострища в насыпи; отдельные специально разбрасываемые угольки в насыпи; помещение остатков кремации и сосудов в подкурганные ямки и т.д. [23, с. 29; 24; 25, с. 94].

Курганы с трупосожжением на месте, выявленные на р. Воронеж, вряд ли следует рассматривать как результат появления здесь какой-то особой группы славян, придерживающейся данного обряда, как и погребения с вторичным обжигом кальцинированных костей на месте захоронения. Во всех трех группах погребений сохраняются общие черты, их связывающие: расположение погребений в восточной половине; наличие небольших ритуальных кострищ; расположение погребений на уровне погребенной почвы. Погребения с вторичным обжигом на месте захоронения и трупосожжения в кургане следует рассматривать, вероятно, как результат определенной эволюции погребального обряда, без вытеснения одного типа погребений другим. Все три формы на определенном этапе сосуществовали.

Что касается деревянных погребальных конструкций, выявленных в воронежских курганах, то они, как уже отмечалось, весьма существенно отличаются от конструкций Боршевского могильника. Создается ощущение, что они конструктивно отражают вырождение данного погребального обряда, являясь более поздними по сравнению с Боршевскими. Появились они на р. Воронеж в процессе миграции какой-то части населения со Среднего Дона во второй половине X в., после прекращения функционирования там славянских поселений.

Таким образом, славянское население на р. Воронеж сформировалось прежде всего за счет переселе-

ния сюда значительных масс славян из Поднепровья из ареала культуры Луки-Райковецкой. Незначительная серия типично волынцевской лощенной посуды дает право говорить о появлении здесь населения Днепровского Левобережья.

Территория расселения донских славян, как Среднего Дона, так и Верхнего (р. Воронеж), практически не граничила ни с одной из восточнославянских группировок, за исключением, возможно, самых северных районов Верхнего Дона. Но и здесь памятники боршевского типа практически неизвестны, кроме некоторых пунктов на Красивой Мече (правый приток Дона), культурная принадлежность которых не совсем ясна в силу их слабой изученности [26]. Этим, думается, объясняется почти полное отсутствие каких-либо контактов донских славян с восточнославянским миром. Но при этом не исключаются весьма важная роль р. Дон и посредническая роль славянского населения Среднего Дона в торговле восточных славян с Востоком, что неоднократно подчеркивалось в литературе [2, с. 68–72; 27, с. 156 и др.]. И сами донские славяне, особенно среднедонского региона, были включены в активную торговлю (обмен) с Востоком и со своими южными соседями – населением салтово-маяцкой культуры, северо-западной периферией Хазарского Каганата. Кроме широких торговых связей со своими южными соседями, в процессе общения этих двух этносов шло взаимное обогащение в области материальной культуры и, прежде всего, в тех сферах, в которых каждый из субъектов общения видел для себя наиболее привлекательным и необходимым, и что могло найти применение в повседневной жизни. Для донских славян это, в первую очередь, производство керамической посуды, которую славяне изготавливали практически до конца своего пребывания в бассейне Дона ручным способом, без гончарного круга, но они пополнили ассортимент посуды. Аланы и болгары – население салтово-маяцкой культуры – восприняли многое из того, чем обладали славяне в области домостроительства [28]. Материалы раскопок славянских поселений и могильников на р. Воронеж дают возможность говорить о совместном проживании на одном поселении славянского и алано-болгарского этносов и, что немаловажно, на поселении (I Белогорское городище), расположенном не в пограничной зоне, а в славянской глубинке. Какая-то группа населения салтово-маяцкой культуры в силу сложившихся обстоятельств отступила на север [8, с. 137–145; 2, с. 128–150].

Довольно интенсивные и разнообразные взаимоотношения донских славян и населения салтово-маяцкой культуры отнюдь не исключают даннической зависимости донских славян от Хазарского каганата. Наложение дани в середине VIII в. на славянские племена, о чем сообщают летописи, не означает по-

литического подчинения славянских племенных союзов Каганату. Это определенная форма экономической зависимости и не более того. То, что ряд славянских племен (поляне, вятичи, северяне, радимичи) платили дань хазарам – хорошо известный факт [29; 30]. Вопрос заключается в том, что из себя представляла эта дань, сколь она была обременительна для славян и оставляла ли она им возможности для какой-либо иной формы экономических отношений со своими соседями. Как полагают ряд исследователей, собираемая хазарами дань не была обременительной для славян [6, с. 182–183], в разных районах славянского мира она устанавливалась, естественно, не одновременно и, возможно, различалась по форме.

Территории близ бассейна Дона славяне осваивали из различных районов восточнославянского мира, и установление дани с этих групп славян шло по мере их появления в донском регионе. Для донских славян данническая политика хазар не была чем-то новым и неожиданным, ибо они переселялись из районов, в которых она стала обычным явлением.

В глубине территории славян, обложенных данью, вероятно, имелись алано-болгарские фактории, выполнявшие функции координации по сбору дани. Эти поселения могли быть и ремесленными центрами. В северянской земле таким могло быть Битицкое городище, расположенное на р. Псел [31, с. 55–56; 6, с. 179], в земле вятичей – Супрутское городище на р. Упа [27, с. 155–164, 182–185].

На территории, занятой донскими славянами, – Средний Дон и р. Воронеж – также, вероятно, были своеобразные хазарские (алано-болгарские салтово-маяцкой культуры) центры, осуществлявшие функции по организации сбора податей и доставки их в крепости, отстоявшие на несколько десятков километров к югу. Так, на Дону, возможно, располагалось Титчихинское городище, на р. Воронеж – I Белогорское.

Совершенно очевидны вопросы: как рассматриваемый нами регион соотносился с Древнерусским государством, входила ли территория Верхнего и Среднего Дона, заселенная славянами в конце I тысячелетия в государственную территорию? А. Н. Москаленко отмечала, что одним из источников пополнения славянского населения на Дону было бегство закрепощаемого населения в глухие, отдаленные районы, каким, по ее мнению, был бассейн Верхнего и Среднего Дона [32, с. 132–134]. Вместе с тем основной поток переселенцев шел из района расселения вятичей, т.е. из Верхней Оки, и связан со стремлением освоить свободные земли [32, с. 144]. Вятичи, как известно, вошли в состав Древнерусского государства не ранее 60-х гг. X в.

Определенное внимание данному вопросу уделил Б. А. Рыбаков, который рассматривал памятники донских славян как самые южные поселения вятичей,

стремившихся закрепиться на пересечении важных торговых путей [33, с. 282]. С его точки зрения, вятичи представляли совершенно самостоятельное политическое объединение, независимое от власти киевских князей, вплоть до второй половины X в. [33, с. 258].

На карте Б. А. Колчина и А. В. Кузы «Формирование государственной территории и древнейшие города Киевской Руси» на конец IX в. территория Древнерусского государства с востока ограничена памятниками волынецско-роменской группы Днепровского Левобережья. Лишь к 70-м гг. X в. бассейн Верхнего Дона (р. Воронеж) и частично Среднего, по мнению Колчина и Кузы, включается в территорию Древнерусского государства [34, с. 32–33].

Таким образом, славянское население Лесостепного Дона до 60-х гг. X в. было, конечно, вне пределов Древнерусской государственности. Не следует забывать, что вятичи, в том числе и среднедонские, а также славяне, обитавшие на р. Воронеж, платили дань хазарам, что исключает их одновременное подчинение власти Киевского князя. Лишь после похода Святослава на вятичей, поволжских булгар и Хазарию в 964–966 гг., результатом чего стала ликвидация Хазарского Каганата как государства и, возможно, дальнейшего его пути вверх по Дону, через земли донских славян, можно ставить вопрос о включении этого региона в состав Древнерусского государства.

Славянские поселения на Среднем Дону (вятичей) прекратили свое функционирование и были оставлены населением в достаточно спокойной обстановке, без следов разгрома в конце X в. Славянские поселения на р. Воронеж просуществовали, по меньшей мере, на 50–70 лет дольше и также были оставлены без следов погрома. Возможно, в обоих случаях это было связано с угрозой со стороны кочевников и в связи с этим преднамеренным организованным переселением. В первом случае печенежской, во втором – половецкой. Не исключены и какие-либо иные причины этого явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Москаленко А. Н. Славяне на Дону (Боршевская культура) / А. Н. Москаленко. – Воронеж, 1981.
2. Винников А. З. Славяне Лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века) / А. З. Винников. – Воронеж, 1995.
3. Винников А. З. На северных рубежах Хазарского Каганата. Маяцкое поселение / А. З. Винников, С. А. Плетнева. – Воронеж, 1998.
4. Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии / С. А. Плетнева. – М.; Иерусалим, 1999.
5. Воронина Р. Ф. Мядинские древности. Из истории мордвы-мокши : конец IX – начало XI века / Р. Ф. Воронина. – М., 2007.
6. Григорьев А. В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным / А. В. Григорьев. – Тула, 2000.
7. Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей / В. В. Енуков. – Курск, 2005.
8. Винников А. З. Славянские курганы Лесостепного Дона / А. З. Винников – Воронеж, 1984.
9. Ефименко П. П. Древнерусские поселения на Дону / П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1948. – № 8.
10. Пряхин А. Д. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа / А. Д. Пряхин [и др.]. – Воронеж, 1997. – Вып. I.
11. Винников А. З. Белогорский курганный могильник конца I тысячелетия н.э. на р. Воронеж / А. З. Винников // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 1979.
12. Мартинович А. И. Хазарское городище в Воронежской губернии / А. И. Мартинович // Труды XIV Археологического съезда. – М., 1911. – Т. III.
13. Винников А. З. К вопросу о характере домостроительства у славянского населения на р. Воронеж (по материалам раскопок Животинного городища) / А. З. Винников // Археологические памятники Восточной Европы : межвузовский сб. науч. тр. – Воронеж, 2009. – Вып. 13.
14. Бессарабова З. Д. Славянские курганы второй половины первого тысячелетия н.э. с трупосождением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы / З. Д. Бессарабова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 1973. – Вып. 15.
15. Москаленко А. Н. О возникновении древнерусских поселений на Дону / А. Н. Москаленко // Вопросы истории славян. – Воронеж, 1966. – Вып. 2.
16. Изюмова С. А. Курганный могильник VIII–X вв. около деревни Западной / С. А. Изюмова // Советская археология. – 1946. – № 2.
17. Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа / Н. В. Валукинский // Советская археология. – 1948. – Т. X.
18. Комаров К. И. Находки раннеславянской керамики на Верхнем Дону / К. И. Комаров // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1972. – Вып. 129.
19. Обломский Н. М. О раннесредневековых славянских древностях в бассейне Дона / Н. М. Обломский // Stratum plus. – 2011. – № 5.
20. Зиньковская И. В. К вопросу о формировании славянской культуры VIII–X вв. на р. Воронеж (по материалам II Белогорского могильника) / И. В. Зиньковская // Археология и история Юго-Востока Древней Руси : (материалы научной конференции). – Воронеж, 1993.
21. Седов В. В. Ранние курганы вятичей / В. В. Седов // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1973. – Вып. 135.
22. Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья / В. В. Седов // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1970. – № 163.

23. Русанова И. П. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом / И. П. Русанова // Свод археологических источников. – 1973. – Вып. Е1-25.

24. Тимошук Б. А. Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины V–X вв. / Б. А. Тимошук, И. П. Русанова, Л. П. Михайлина // Советская археология. – 1981. – № 2.

25. Тимошук Б. А. Слов'яни Північної Буковини V–IX вв. / Б. А. Тимошук. – Київ, 1976.

26. Разуваев Ю. Д. Городище у д. Дубики / Ю. Д. Разуваев // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 1987.

27. Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. / А. В. Григорьев. – Тула, 2005.

28. Винников А. З. Донские славяне и алано-болгарский мир : мирное сосуществование или противостояние? / А. З. Винников // Хазары : миф и история. – М.; Иерусалим, 2010.

29. Плетнева С. А. Сведения русских летописей о восточноевропейских кочевниках эпохи раннего средневековья (VIII – начало X в.) / С. А. Плетнева // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 1979.

30. Петрухин В. Я. Славянские данники хазар : к истории Восточной Европы в IX в. / В. Я. Петрухин // Древности эпохи средневековья Евразийской Лесостепи. – Воронеж, 2008.

31. Березовец Д. Т. Славяне и племена салтовской культуры / Д. Т. Березовец // Археология. – Київ, 1965. – Т. XIX.

32. Москаленко А. Н. О возникновении древнерусских поселений на Дону / А. Н. Москаленко // Вопросы истории славян. – Воронеж, 1966. – Вып. 2.

33. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и Русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М., 1982.

34. Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР. – М., 1985.

Воронежский государственный университет

Винников А. З., доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов

E-mail: kosofia@yandex.ru

Тел.: 8(473)224-75-14

Voronezh State University

Vinnikov A. Z., Doctor of History, Professor of the Department of Middle Age History and Foreign Slavic People

E-mail: kosofia@yandex.ru

Tel.: 8(473)224-75-14